

Салон Рахели Фарнхаген фон Энзе в контексте социокультурной жизни прусского общества в первой трети XIX в.

В статье рассматривается салон Рахели Фарнхаген фон Энзе – одной из самых известных женщин Пруссии первой трети XIX века – в контексте социокультурной жизни Германии указанного периода. Являясь распространенной формой коммуникации интеллектуалов, салоны стали площадками для свободного выражения мнений в условиях жесткой цензуры в Германском союзе, гарантом которой была Венская система. На основе источников личного происхождения – писем и дневников – будет определен круг лиц, принадлежавших к салону Рахели Фарнхаген фон Энзе и перечень обсуждавшихся в нем вопросов.

Ключевые слова: салон, Рахель Фарнхаген фон Энзе, зарождающееся гражданское общество, бидермейер, еврейский вопрос.

Первая половина XIX в. стала периодом тяжелых испытаний для Европы. Старый свет, переживший наполеоновские войны, несколько десятилетий жил в соответствии с принципами, провозглашенными на Венском конгрессе. При одобрении стран Священного союза подавлялись одна за другой революции в Европе и Латинской Америке, преследовалась либеральная печать.

Пруссия, пережившая в 1806–1815 гг. небывалый подъем патриотизма, жаждала социальных изменений. Проведенные Штейном, Гарденбергом и Вильгельмом фон Гумбольдтом реформы бюрократического либерализма означали начало перехода от Старого порядка к зарождающемуся индустриальному обществу.

Однако Карлсбадские решения 1819 г., направленные против университетских свобод и либеральной прессы, а также постановление Союзного сейма от 1832 г., принятое после разгона

участников демонстрации в Гамбахе, показали приверженность властей германских земель охранительным принципам политики Венского двора. Консервативный политический курс Фридриха Вильгельма III подвергался нападкам со стороны либеральной прессы¹. Надежды на принятие конституции и созыв народного представительства, о чем в годы войны с Наполеоном говорил прусский король, таяли на глазах.

На этом фоне любое проявление инакомыслия не могло остаться незамеченным. Именно тогда салоны, или «вечерние общества», стали прибежищами для оппозиционно настроенной интеллигенции.

Салон как форма общественной коммуникации зародился во Франции в XVII в. В доме великосветской дамы, наделенной обаянием и умением организовывать беседу, собирались люди разного социального происхождения². Главным критерием для участия в салонной жизни являлись хорошие манеры и умение поддерживать разговор³. Накануне революции 1789 г. салоны стали играть заметную роль в политической жизни Франции. В дома таких великосветских дам, как мадам Граммон и мадам Рошфор, стекалась политическая элита для обсуждения государственных дел, а в гостях у супруги министра финансов Франции Жака Неккера накануне революции бывали такие люди, как Кондорсе, Талейран, Сийес. Дочь супругов Неккер Анн-Луиз, известная как мадам де Сталь, благодаря своей неординарности обрела общеевропейскую славу, что сделало ее салон центром притяжения для членов правления Директории и многих выдающихся деятелей культуры со всей Европы⁴.

В Германию салонная культура пришла во второй половине XVIII в. В соответствии с теорией трансформации публичной сферы в Новое время, разработанной Ю. Хабермасом, салоны стали важным элементом зарождающегося в Германии конца XVIII в. гражданского общества, как противостоявшие государству объединения граждан⁵. На протяжении сорока лет – с 1790-х гг. по 1833 г. – одной из самых известных фигур салонной жизни Пруссии была Рахель Фарнхаген фон Энзе, урожденная Левин.

Рахель Фредерика Левин (1771–1833) родилась в семье прусского банкира и торговца ювелирными изделиями еврейского происхождения Маркуса Левина. В начале 90-х гг. XVIII в. Левин открыла свой первый салон, ставший одним из самых популярных в Берлине. В доме на Егерштрассе – улице, где проживала семья Левин – по вечерам собирался весь цвет немецкого общества. В разное время здесь бывали братья Вильгельм и Александр Гумбольдты, Фридрих и Август Шлегели, Тик, Новалис и др.

Юная Рахель Левин, резкая в суждениях и отличавшаяся оригинальностью мышления, вызывала интерес к своей персоне эрудицией и образом жизни⁶. Получая предложения о браке от таких людей, как граф Карл фон Филькенштейн, испанский дипломат Рафаэль д'Урквихо, Левин без колебаний разрывала помолвки⁷. Частыми гостями Левин были такие женщины, как графиня Пахта, состоявшая в гражданском браке с выходцем из бюргерской среды, и графиня Шлабрендофф, носившая мужскую одежду⁸. Ради встреч со своей возлюбленной, писательницей Паулиной Визель, в салон Рахели Левин часто заглядывал прусский принц Луи Фердинанд⁹.

Однако к 1806 г. блестящий век салонной культуры в Германии подошел к концу. Салон мадемуазель Левин, поражавший немецкую общественность плеядой выдающихся интеллектуалов, прекратил свое существование. Вторжение наполеоновской армии на территорию Пруссии заставило интеллектуальную элиту Берлина покинуть город.

В 1814 г., став женой своего давнего поклонника, видного дипломата и литератора Карла Фарнхагена фон Энзе, Рахель Левин сопровождала своего мужа в дипломатических поездках. Фарнхаген фон Энзе являлся пресс-секретарем прусской делегации при особе реформатора Гарденберга на Венском конгрессе, а затем и послом Пруссии в Бадене, где чета Фарнхагенов жила с 1815 по 1819 г.

1819 год был отмечен убийством популярного драматурга Августа фон Коцебу, выступавшего в своих памфлетах против академических свобод и радикального студенчества. Его смерть повлекла за собой разгон вышедших из-под контроля студенческих организаций и ужесточение цензуры. Карл Фарнхаген фон Энзе, впавший в немилость прусского двора из-за либеральных взглядов, после увольнения со службы вместе с супругой вернулся в Берлин. Здесь открыл свои двери второй салон Рахели Фарнхаген фон Энзе.

В Берлине чета Фарнхагенов принимала в своем доме высоких гостей. Ими были по большей части друзья Карла Фарнхагена по службе и писательскому ремеслу. Среди них был герой Лейпцига и Ватерлоо, генерал-фельдмаршал Август Вильгельм Гнейзенау, дипломат и один из составителей «Октябрьского эдикта» об освобождении прусских крестьян Фридрих фон Штегеман, братья Гумбольдты, историк Леопольд фон Ранке и правовед Карл фон Савиньи¹⁰.

Незадолго до выхода в свет в 1827 г. «Книги песен» выпускник Берлинского университета Генрих Гейне оказался вхож в салон Ра-

хели Фарнхаген. Сдружившись с хозяевами дома, Гейне познакомился с другим известным писателем еврейского происхождения – Людвигом Берне. Людвиг Берне, происходивший из семьи знаменитой банкирской династии Барухов из Франкфурта-на-Майне, семнадцатилетним юношей приехал в Берлин для обучения врачебному делу под руководством известного деятеля Хаскалы Маркуса Герца. Проживая в доме своего патрона, юный Берне приобщился к салону его жены – известной в интеллектуальных кругах красавицы Генриетты Герц (де Лемос), дочери сефардского еврея. В письмах, адресованных ей, проявилась вся экспрессивность его натуры¹¹.

В 1818 г. Берне заявил о себе как публицист. Его стиль отличали категоричность и прямолинейность. За нещадную критику Венской системы, при которой процветали доносительство и политическое интриганство, журналы, где печатались фельетоны Берне, закрывались. А в своем «Соденском дневнике» от 1830 г., куда вошли воспоминания и зарисовки о жизни курортного городка Соден, Берне совсем неместно отозвался о роли Гёте в жизни немецкого общества. Восседая на литературном олимпе, великий поэт, по мнению публициста, ни сделал ничего для борьбы за свободу и права¹².

Генрих Гейне и Рахель Фарнхаген обвинили Берне в крайнем субъективизме. Для поколения Левин Гёте был живой легендой, а его «Страдания молодого Вертера» и «Вильгельм Мейстер» считались вершинами литературного творчества. В памфлете, посвященном Берне после его смерти в 1837 г., Гейне обозначил антагонизм между Гёте и Берне как конфликт двух традиций, действующих в мировой истории – открытого миру, величественного эллинизма и замкнутого, склонного к спиритуализму назареянства, воплощенного в иудаизме и христианстве¹³.

Берне, вплоть до своей эмиграции в Париж в 1830 г., бывал в доме Рахели Фарнхаген, несмотря на идейные разногласия между ними. В одном из писем к своей постоянной корреспондентке Жаннетте Воль он не скрывал своего разочарования от визита, нанесенного чете Фарнхагенов, державшихся подчеркнуто дипломатично, с некоторой боязливостью¹⁴. Разговоры о королевском дворе и благородных особах, которые заводил Фарнхаген, вызвали неприятие Берне, привыкшего в открытой форме обличать этих самых «душистей свободы»¹⁵.

Инертность и даже некоторая примирительная позиция по отношению к реальности, которую Берне отмечал у Фарнхагена, была свойственна и другим его современникам. Вильгельм фон

Гумбольдт, ярый защитник свободы личности, в свою бытность министром по делам вероисповеданий и просвещения считал целесообразным существование «действенной цензуры» в Германском союзе¹⁶. Следует отметить, что подобная позиция диктовалась ценностями эпохи бидермейер, отмеченной стремлением к обывательскому комфорту и индифферентностью к происходящему в обществе.

Тем не менее салон Рахели Фарнхаген фон Энзе притягивал к себе выдающихся интеллектуалов со всей Германии. Публика, собиравшаяся «на чай» к Рахели Фарнхаген, беседовала на самые разные темы. Ввиду жесточайшей цензуры подобного рода практика была одним из немногих способов обсудить актуальные общественно-политические вопросы. В один из вечеров, когда Рахель принимала в своем доме «общество», между ее гостями – доктором права, блестящим оратором Эдуардом Гансом и испанским послом вспыхнул конфликт. Убеденный либерал, Ганс, взгляды которого разделяли хозяева дома, выступил с жесткой критикой в адрес испанского короля Фердинанда VII, подавившего конституционное движение в Испании¹⁷. Опасаясь последствий, Рахель Фарнхаген сумела «молниеносной вспышкой своего непринужденного юмора» направить дискуссию в мирное русло.

Одной из насущных проблем прусской действительности эпохи Реставрации был рост религиозной нетерпимости. Времена, когда Берлин удивлял путешественников тем, что здесь евреи могли мирно сосуществовать с христианами¹⁸, канули в Лету вместе с идеалами, проповедовавшимися Лессингом в его «Натане Мудром»¹⁹. Патриотизм, охвативший прусскую интеллигенцию в годы борьбы с французской оккупацией, побудил пламенных романтиков Ахима фон Арнима и Клеменса фон Brentано учредить «Застольное общество», по уставу которого доступ в общество был закрыт для «французов, филистеров, евреев и женщин»²⁰. Эдикт от 1812 г., даровавший гражданские права еврейскому населению Пруссии, не вызвал одобрения в немецком обществе и крайне неохотно приводился в исполнение на вновь присоединенных к королевству по решению Венского конгресса территориях, а то и саботировался²¹. На этом фоне в 1819 г. Германию охватила волна антиеврейских выступлений²². На улицах Франкфурта-на-Майне, Дармштадта, Карлсруэ, Лейпцига, Дрездена и Гейдельберга в адрес евреев раздавались оскорбительные выкрики «хеп-хеп», что фактически являлось призывом к погромам еврейских жилищ, лавок и банкирских домов²³.

Рахель Левин, перешедшая в протестантизм ради брака с Карлом Фарнхагеном фон Энзе, чутко реагировала на происходящее

в обществе. Свою тревогу она разделяла с завсегдамыми своего салона – своим младшим братом, писателем и публицистом Людвигом Робертом, Генрихом Гейне и Эдвардом Гансом, также крещеными евреями. В письмах к Людовику Роберту, в 1819 г. находившемуся в Карлсруэ – одном из эпицентров антиеврейских настроений, – Рахель Фарнхаген писала: «...это не вина людей, которых научили выкрикивать “хеп”... Я знаю свою страну. К несчастью»²⁴. Всю вину за волну ненависти к еврейскому населению Фарнхаген возлагала, главным образом, на ультраправую прессу, регулярно выпускавшую листовки и статьи юдофобского содержания. К числу провокаторов она также относила Ахима фон Арнима и Клеменса фон Brentано – пламенных ораторов «Застольного общества», входивших в круг общения четы Фарнхаген и состоявших с ними в переписке²⁵.

В числе тех, кто защищал принцип веротерпимости, был и Фридрих Август фон Штегеман. Произведенный в чин статского советника после окончания войны с Наполеоном, Штегеман активно боролся за либерализацию законодательства Пруссии. В одном из писем Рахели Фарнхаген от 1816 г. он осудил действия Фридриха Вильгельма III, запретившего еврейское богослужение на немецком языке²⁶. Это решение, по мнению Штегемана, стало еще одним препятствием на пути интеграции евреев в немецкое общество.

Таким образом, салоны являлись популярной формой коммуникации интеллектуалов Германии первой трети XIX в. Рахель Фарнхаген была одной из самых заметных фигур салонной жизни Берлина на протяжении более чем сорока лет. В 1819–1833 гг., в обстановке всеобщей цензуры и контроля за обществом, в ее доме собирались виднейшие государственные деятели и писатели. Широкий круг лиц, принадлежавших к салону Рахели Фарнхаген фон Энзе, и острота обсуждавшихся в нем политических и социальных вопросов сделали его одним из самых популярных интеллектуальных сообществ Пруссии эпохи бидермейер.

Примечания

-
- ¹ *Ростиславлева Н.В.* Германские либералы первой половины XIX века. М.: РГГУ, 2010. С. 131.
 - ² *Репина Л.П.* Салонная культура XVII века и женское творчество // Идеи и люди: Интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 186.

- ³ *Неклюдова М.С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М.: ОГИ, 2008. С. 25.
- ⁴ *Lund H.* Die ganze Welt auf ihrem Sopha. Frauen in europäischen Salons. Berlin: Trafo, 2004. S. 62.
- ⁵ *Habermas J.* The structural transformation of the public sphere. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. P. 46.
- ⁶ *Varnhagen von Ense К.А.* Denkwürdigkeiten des eigenen Lebens. Leipzig, 1871. Bd. 2. S. 89.
- ⁷ *Lund H.* Op. cit. S. 136.
- ⁸ *Ibid.* S. 132.
- ⁹ *Ibid.* S. 132.
- ¹⁰ *Wilhelmy-Dollinger P.* Die Berliner Salons. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 2000. S. 139.
- ¹¹ См.: *Börne L.* Briefe des jungen Börne an Henriette Herz. Leipzig: Brockhaus, 1865.
- ¹² *Börne L.* Aus meinem Tagebuche // Börne L. Gesammelte Schriften. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1862. Bd. 3. S. 385.
- ¹³ *Heine H.* Über Ludwig Börne. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1840. S. 25.
- ¹⁴ Лüdwig Börne an Jeannette Wohl aus Berlin, den 18. Februar 1828 // Börne L. Nachgelassene Schriften: Briefe, 1824–1828. Mannheim: Bassermann, 1847. Bd. 3. S. 238.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 239.
- ¹⁶ *Ростиславлева Н.В.* Идеи Вильгельма фон Гумбольдта в ракурсе понятия «бидермайер» // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. № 25/1. М., 2008. С. 388.
- ¹⁷ *Wilhelmy-Dollinger P.* Op. cit. S. 141.
- ¹⁸ Jean Paul an Karoline Herder, 12. Januar 1801 // Henriette Herz in Erinnerungen, Briefen und Zeugnissen / Hg. von R. Schmitz. Berlin: Die Andere Bibliothek, 2013. S. 552.
- ¹⁹ Главным героем пьесы Г.Э. Лессинга «Натан Мудрый» (1779), действие которой разворачивается в Иерусалиме времен Крестовых походов, является еврейский купец Натан. Благодаря своей мудрости ему удается заслужить уважение рыцаря-храмовника и турецкого султана Саладина. Прообразом Натана Мудрого являлся друг Лессинга Мозес Мендельсон – лидер еврейского Просвещения (Хаскала) во второй половине XVIII в., пользовавшийся уважением как среди своих единоверцев, так и среди немецких интеллектуалов. См.: *Лессинг Г.Э.* Натан Мудрый // Лессинг Г. Избранное. М.: Худож. лит., 1980. С. 175–352.
- ²⁰ *Lund H.* Op. cit. S. 154.
- ²¹ *Gräfe T.* Antisemitismus in Deutschland: 1815–1918: Rezensionen-Forschungsüberblick-Bibliographie. Norderstedt: Books on Demand, 2010. S. 114.
- ²² *Tewarson H.T.* Jüdinsein um 1800. Bemerkungen zum Selbstverständnis der ersten Generation assimilierter Berliner Jüdinnen // Von einer Welt in die andere. Jüdinnen

im 19. und 20. Jahrhundert / Hg. von J. Dick und B. Hahn. Wien: Brandstätter, 1993. S. 59.

²³ Hertz D. How Jews became Germans. The History of Conversion and Assimilation in Berlin. New Haven: Yale Univ. Press, 2009. P. 160.

²⁴ Rahel Levin Varnhagen an Ludwig Robert in Karlsruhe, den 29. August 1819 // Rahel Levin Varnhagen: Briefwechsel mit Ludwig Robert / Hg. von C. Vigliero. München: Beck, 2001. S. 243.

²⁵ Ibid. S. 243.

²⁶ Friedrich Stägemann an Rahel Varnhagen aus Berlin, den 1. Februar 1816 // Aus dem Nachlass Varnhagen's von Ense. Briefe von Stägemann, Metternich, Heine und Bettina von Arnim. Leipzig: Brockhaus, 1865. S. 30.

Символы власти
в исторической памяти Германии
конца XIX – начала XX в.:
на примере культа Отто фон Бисмарка

В статье рассматриваются символы власти, сквозь призму которых историческая память представляла первого канцлера Германской империи Отто фон Бисмарка. Пристальное внимание автор уделила башням Бисмарка, которые были уникальным явлением на рубеже XIX–XX вв., важным символом единого государства и доказательством существования культа Бисмарка среди немецкой молодежи. Отмечаются также исторические основания мифологизации Бисмарка в конце XIX – начале XX в. Показано, что в современной Германии Бисмарк не воспринимается в исторической памяти в связи с политической символикой.

Ключевые слова: историческая память, Отто фон Бисмарк, политические символы Германской империи, феномен «Башен Бисмарка».

Историческая память всегда погружена в современность. Она актуализирует те события, те детали, которые ей удобны, отказываясь, таким образом, от груза прошлого. Алейда Асманн, признанный авторитет в изучении теории памяти, вспоминает на страницах своих работ важную дистинкцию выдающегося нидерландского историка Й. Хейзинги: тот называл историю духовной формой, в которой общество хранит свои отчеты о прошлом, принимая во внимание особенности внешней перспективы в формировании собственного образа¹. В работе «История в памяти» Алейда Асманн выделяет три измерения культуры памяти. Первый импульс – простое любопытство, ответом на которое являются публикации исторических книг, организация выставок, музеев². Вторым импульсом в измерении культуры памяти А. Асманн называет стремление «убедить в идентичности», замечая, что индивидуальная